

Юрий МИНИН

Юрий Минин (псевдоним Юрия Аврутова) родился в 1952 г. на Украине.

Окончил Московский инженерно-строительный институт, Московскую академию реставрации. С 1974 г. живёт в Ярославле.

Публикуется с 2005 г. Его проза представлена в коллективных сборниках: «Сборник современных рассказов» (Ярославль, 2005), а также в московских «Современная проза» (2011), «Писатель года 2011» (2012), в журнале «Российская литература» (2012).

Автор книги «Рассказы» (Ярославль, 2012).

Член Союза архитекторов России.

Профессионально занимается охраной и сохранением объектов культурного наследия.

О стульях, архитектуре и авторском праве

Рассказ

В поезде Евгению не спалось. Одноместное купе, располагающее к отдыху и оснащённое мягкими диванами, обитыми бежевой ворсистой тканью, и бесшумным кондиционером, посылающим в купе порции живительного морского воздуха, не успокаивало, а напротив — беспокоило, тревожа память. Ему вспоминались поездки в переполненных советских общих вагонах со специфической смесью запахов чадающего угля, нестираных носков и неубранного туалета и то, как он лихо взбирался на третью багажную полку под самую крышу вагона, раскалённую летним испепеляющим солнцем, как засыпал богатырским сном, обливаясь потом и не боясь получить тепловой удар или свалиться с головокружительной высоты на заплёванный пол вагона. И ещё была причина, не дававшая ему покоя: он отказался от воздушного перелёта и выбрал железную дорогу, потому что она

проходила через город его юности, где он прожил два года самостоятельной жизни и куда не возвращался после отъезда, а точнее — своего бегства.

По расписанию поезд должен был прибыть в город в три часа ночи и простоять на тамошнем вокзале пятнадцать минут. Евгений не предполагал выходить на знакомый ему перрон, не планировал пройти по старой брусчатке платформы, не собирался подышать воздухом своей юности и постоять немного у стены старого вокзала, поглаживая осыпающуюся штукатурку. Просто он в какой-то момент решил проехать знакомой ему дорогой, удовлетворяя свои ностальгические ощущения, и не более того. В этом и заключалась вторая причина.

В третьем часу ночи замелькали редкие огни городских окраин, проплыл причудливый шпиль Петропавловского храма, где когда-то располагался клуб, полюбившийся и посещаемый им. В советские годы острие церкви венчала железная звезда, обрамлённая такими же листьями, напоминающими стилизованный герб советского государства. Теперь же на колокольне блеснул золотом крест и тотчас же растворился во тьме ночного неба, вынуждая задуматься о мираже. Показались дома привокзальных улиц, а дальше, за ними, угадывался знакомый силуэт высотки, доминирующей над монотонной застройкой. С историей этого здания были связаны два самых длинных года жизни Евгения. Он, не отдавая отчёта своим действиям, быстро собрал вещи, надел белый костюм, широкополую шляпу, прошёл в тамбур, сказал недоумевающей проводнице: «Выхожу здесь, меня не ищите. Счастливого пути!» И шагнул в желто-фонарный свет знакомого перрона.

Профессия Евгения называлась красивым греческим словом «архитектор», чем он нескромно гордился, относил себя к большим мастерам и считал продолжателем дел великих зодчих, хотя в последнее время оставил творчество и, отдавая дань моде, а скорее — меркантильному желанию зарабатывать больше, занялся бизнесом.

Самым удачным проектом стало это шестнадцатизэтажное здание, силуэт которого проплыл за окошком вагона.

Утром он позвонит коллегам, пригласившим его на симпозиум, извинится, сошлётся на внезапное недомогание, постигшее в дороге, попросит перенести на второе пленарное заседание его доклад, затрагивающий тему новых технологий в реставрации архитектуры, подготовленный им с дальним расчётом на последующие заказы.

Это будет позже, а пока он шёл сдавать свой чемодан сонному приёмщику камеры хранения, который долго приходил в себя от разбудившего его стука в окошко и удивлённо рассматривал странного ночного гостя в белой тройке и такой же белой шляпе.

Освободившись от багажа, Евгений зашагал по знакомым улицам спящего осеннего города к зданию, в котором воплотился его первый проект. Идти было недалеко. Дорогой ему подумалось, что течение времени в этом городе остановилось, в тусклом освещении ночных фонарей он видел те же дома и ту же неухоженность, как и прежде. Он обходил многочисленные лужи, рискуя зачерпнуть светлыми туфлями грязную осеннюю воду или провалиться в полуоткрытый колодец. Так было и четверть века назад.

Когда он увидел дом, возникший в перспективе улицы, сердце его заколотилось, будто он встретился с повзрослевшим сыном, которого предал забвению ещё в младенчестве. Стоя на площади, придерживая шляпу, он рассмотрел своё детище и ахнул, вскричал от негодования, разрывая криком тишину спящего города.

Здание утратило свои особенности и сделалось рядовым, малопривлекательным. Нижний этаж некогда располагался на колоннах, установленных с отступом от стен внутрь, что создавало иллюзию парящих этажей. Теперь эти колонны были застроены

стенами, на которых размещались нелепые рекламные щиты гигантских размеров. Отсутствовали ажурные солнцезащитные алюминиевые элементы, придававшие сооружению легкость, а вместо них фасады были обезображены кондиционерами, беспорядочно и в большом количестве развешенными на стенах, некогда облицованных мелкой сиреневой плиткой, а ныне грубо оштукатуренных и выкрашенных зелёной краской. Но самым неприятным стало отсутствие серебряной таблички с именем автора проекта, его именем, которая когда-то была установлена на колонне, скрытой теперь за рекламными щитами, хотя, повешенная на таком уродце, она вряд ли порадовала бы его создателя.

* * *

В те годы, когда Евгений завершал своё обучение в вузе, действовала система обязательного распределения студентов-выпускников. Хорошо это было или плохо, судить можно по-разному, но студенту гарантировалась работа, правда, не всегда там, где этого хотелось, и не та, которая нравилась. В вузы направлялись заявки от министерств и ведомств, а в начале года съезжались представители-ходоки многих организаций, разбросанных по Союзу, агитирующие студентов приехать трудиться именно к ним. Скрытно от студентов в деканатах составлялись списки распределений. Решить самостоятельно, куда ехать и где работать, могли только ленинские стипендиаты, коих были считанные единицы, студенты — члены партии или же взятка, данная нужному человеку в деканате.

Евгений не входил в число таких счастливиц, он происходил из простой семьи средних медиков, проживающих в тьмутаракани, а членство в партии его мало интересовало. Но ему повезло: на него положила глаз архитекторша бальзаковского возраста, приехавшая из недалекого губернского города подыскать достойного выпускника для работы в проектом институте. Звали её Викторией Альбертовной Тютиковой, была она одинока по жизни, вредна по характеру и влюбчива в молодых специалистов. Однако её чувство быстро перерастало в ненависть, если взаимность со стороны молодых специалистов отсутствовала, о чём Евгений узнает несколько позже. Тютикова просмотрела курсовые проекты Евгения и осталась ими довольна. Побеседовав с высоким и статным юношей, она почувствовала себя очарованной. Затем Тютикова розовыми красками написала Евгению условия жизни в общежитии молодых специалистов, соврала о «потрясающей» творческой атмосфере, царившей в институте, о возможности получить направление в целевую аспирантуру, о стремительном росте заработной платы, о её, Тютиковой, личных связях с редакцией журнала «Архитектура СССР» и как следствие — лёгкой, беспроblemной публикации в оном. После успешной агитации она увидела загоревшиеся глаза Евгения и без труда получила его согласие. Тютикова тотчас же полетела в деканат, чтобы вручить декану коньяк, набор заграничных авторучек, памятный знак станочного завода и получить добро на распределение Евгения в её институт.

Общежитие, куда поселили Евгения, оказалось смешанным, женско-мужским, и представляло собой перенаселённую огромную квартиру с длинным коридором и комнатами разной площади, оборудованными умывальниками. В комнатах жили молодые специалисты — юноши и девушки и даже старушка, непонятно откуда взявшаяся, которая, если и была молодым специалистом, то лет шестьдесят назад. Разнополость жильцов способствовала их сближению, что в конечном итоге приводило к созданию семей, деторождению и закреплению бывших выпускников вузов на новом месте.

Соседом Евгения по комнате оказался Вадим, работающий в том же институте над проектами инженерных сетей. Он успел влюбиться в Анастасию, жившую за стенкой в соседней комнате. Роман бурно развивался, в том числе и в мужской комнате, что вынуждало Евгения находиться на службе до ночи и плотнее заниматься творчеством, представляя влюблённым место для уединения.

Институт оказался вовсе не институтом, каким его представляла и рекламировала Тютикова, а небольшой проектной конторой, имеющей для важности громкое и длинное название с приставкой «Гипро». Здесь сожительствовавали два строительных отдела, в каждом из которых было по одному творческому руководителю, или ГАПу, как их именовали на чертежах проектов. Евгения зачислили в первый, возглавляемый старой девой Тютиковой. Руководителем второго подразделения был коренастый мужичок колоритной внешности, носивший короткую седеющую бородку-клинышек и очки-велосипед, что делало его похожим на революционера Троцкого. Звали архитектора-«революционера» Анатолием Моисеичем, а фамилию он носил Курис, то есть «птичью», как подшучивали сотрудники-соседи. Отдел Куриса в шутку называли пернатым, потому что по случайному стечению обстоятельств работали с Курисом ещё и Гусаков, Сорокина, Галкин, Крыленко, Воронеж. Проектировщики первого подразделения, увлекающиеся рисованием комиксов, изображали коллектив Куриса в виде курятника, где на высоком насесте в облике самого солидного и несоразмерно крупного петуха-производителя сидел Курис, а рядом остальные носители птичьих фамилий — жёлто-пушистые птенцы с человеческими лицами.

Все сотрудники размещались в одном большом зале, где Тютикова и Курис сидели в диаметрально противоположных углах за одинаковыми, нестандартно огромными досками кульманов, служившими чертёжными атрибутами и одновременно перегородками или щитами, отражающими нападение. Дело в том, что между двумя руководителями была жёсткая конкуренция, переходившая порой в шумные стычки и даже потасовки, устраиваемые с завидной регулярностью Тютиковой благодаря её скандальности и лужёной глотке. Её отдел, выходя победителем потасовок, получал интересные резонансные заказы — административные и гражданские постройки, сопровождаемые большими премиями. Архитекторы же Куриса, занимавшего оборону, были вынуждены работать с мелкими объектами промышленного типа — муниципальными насосными или сельскими водонапорными башнями — за невысокое денежное вознаграждение.

Творческий процесс, царивший в конторе, был странным и вначале вызывал у Евгения протест и недоумение, когда он увидел, как работают его сослуживцы. Источником вдохновения служили архитектурные журналы или проспекты с выставок, привозимые после командировок и пополняемые по мере возможности. Свою литературу Тютикова берегла как зеницу ока и хранила в железных шкафах под замками, подальше от Куриса.

Новая работа начиналась с просматривания журналов, изучения снимков разных проектов и готовых строений. Она могла быть недолгой, в течение часа, или длиться несколько дней и даже недель. Обычно архитектор не изобретал и не придумывал ничего нового, а останавливался на уже осуществлённом или запроектированном ранее объекте, который по каким-то понятным только ему причинам впечатлял и вдохновлял его. Чтобы автора не обвинили в плагиате, облюбованный проект дополнялся чужеродными деталями, подсмотренными на других страничках.

Тютикова зорко следила за работой Куриса, что побуждало «отдел пернатых» быть начеку и держать классную форму даже на мелких заказах. Но если в творениях Куриса вдруг замечалось сходство с неким другим шедевром, Тютикова закатывала настоящий скандал.

— Это фасады Корбюзье! — объявляла она пронзительным голосом, закладывая уши, как при взлёте воздушного лайнера, — Посмотрите на эти фасады! Позор! Творческая импотенция! Полная деградация!

При этих словах Курис краснел, как спелый помидор, а его слегка оттопыренные уши багровели. Он спрыгивал с высокого стула, как с куриного насеста, медленно шёл к листу проекта, у которого метала молнии Тютикова, поправлял очки, долго всматривался, поглаживая бородку, и, наконец, говорил:

— Ничего не вижу.

— Протри очки, господин плагиатор, — кричала Тютикова, а сидящим в зале казалось, что от силы её голоса звенят стёкла в окнах и стучат ложки в стаканах, спрятанных в чайных тумбочках.

— Я был бы несказанно рад, если бы работал, как Корбюзье... Но Корбюзье повторить невозможно, и ты это знаешь не хуже меня.

— Не заговаривай зубы, плагиатор. Я поставлю вопрос о твоей репутации на пленуме Союза архитекторов, — не унималась Тютикова.

— А я его сниму.

Обычно перепалка происходила прилюдно, что побуждало сослуживцев перемывать косточки друг другу и жить в атмосфере вечного подозрения.

Первое задание, которое Тютикова поручила исполнять Евгению, заключалось в том, что следовало «привязать к месту» типовую заготовку школы. Обычно такие проекты, отпечатанные на сиреневой, скручивающейся в трубочку бумаге, малоинтересны творческим людям, но у Евгения не было выбора, да и о себе надо было хоть как-то заявить. Тютикова напутствовала:

— С неинтересных мелочей начинают все. Это проверка на вшивость.

Молодой человек приступил к работе. Он развернул чертеж, рассмотрел его, понял замысел, оценил достоинства и недостатки, сделал несколько эскизов самостоятельно, никуда не подсматривая, а пользуясь только собственным воображением и вкусом. Затем Евгений внёс несколько изменений в скучные решения, придумав цветные керамические барельефы на темы школьных предметов, изменил монотонность окон и архитектуру входов, изобразил всё в цвете. А ещё он предложил просторные школьные вестибюли и изящные, залитые солнцем лестницы. Евгений всё исполнил быстро, без раскачки и многодневных поисков в журналах, нарушив здешние традиции. Он просиживал в конторе почти до полуночи, благо комната его в общежитии была занята воркующими влюблёнными соседями. Тютикова следила за его работой, а по мере продвижения проекта её начали переполнять положительные эмоции. На сером вечно недовольном лице женщины появилась улыбка, опущенные краешки губ поднялись вверх.

Когда Евгений передал ей чертежи, Тютикова с ликованием объявила во всеулышание:

— Все сюда! Прошу любить и жаловать талант! Имя ему — Женечка. Это я его разглядела и привезла сюда! Хвала мне и слава!

Сотрудники собрались у стола в центре зала, где был представлен труд Евгения, посмотрели, многозначительно переглянулись и промолчали — здесь не было принято хвалить коллег. Потом все расступились, пропуская самого Куриса. Он постоял у стола, поправляя очки, поглаживая бородку Троцкого, и сказал:

— Недурственно для начала. Достойно...

Слова Куриса, высказанные сотруднику конкурирующего отдела, стоили многого.

Однако, несмотря на свежесть и удачу, идея Евгения не воплотилась в камне. В те годы царило понятие «излишества в архитектуре». Для каждого проекта скрупулёзно подсчитывали экономию средств и материалов, чтобы сравнить с некими показателями, установленными партией и правительством, и если эта цифра превышала контрольные хотя бы на одну копейку, то работа архитектора нещадно отвергалась. На глаза Евгения навернулись слёзы обиды, он отвернулся, пряча лицо, а Тютикова по-матерински успокаивала юношу, поглаживая по жёстким светлым волосам, пыталась поймать его влажный взгляд:

— Сегодня мы не вписались в смету. Ну и ладно! Ничего, подождём до лучших времён, Женечка, когда архитектуру будет определять не бухгалтер, а потребность в красоте.

Забота Тютиковой только казалась материнской, на самом деле начиналась игра в любовь. Для старой девы появление молодого человека было не первым в её жизни, и ни разу она не добивалась взаимности. Ощущая уходящие годы, уносящие с собой, быть может, последний шанс обрести счастье, Тютикова окружила Евгения повышенной заботой и вниманием. Она обновила свой гардероб, начала красить губы, поливать себя дорогими, тонко пахнущими духами, подводить глаза и накладывать тени. Тютикова покрасила волосы в сиреневый цвет в тон цвета оправы дорогих очков, привезённых когда-то из-за границы. Будучи неисправимым трудоголиком, вдруг стала устраивать частые перерывы, распивая чай только с Евгением и подкармливая его сладостями, которые, сбившись с ног, доставала через разных знакомых. Следуя поговорке, что путь к сердцу мужчины лежит через его желудок, Тютикова приносила домашние обеды, над которыми колдовала вечерами, прихватывая дополнительную порцию для Евгения и предлагая ему перекусить.

Наступил его день рождения, первый юбилей — двадцатипятилетие. Тютикова раньше других пришла в контору, поставила на стол Евгения букет роз в хрустальной вазе, прихваченной из дома, положила рядом вставленную в рамку одну из своих любимых акварелей, написанную несколько лет тому назад, — сельский весенний пейзаж. Юбилей отмечали в обеденный перерыв обоими конкурирующими отделами, составив общий стол на общей территории в центре зала, что было её инициативой и не случалось никогда раньше. К концу обеда, когда все немного захмелели, Тютикова вдруг пустилась в пляс, лихо отстукивая чечётку лаковыми туфлями, хотя фигуру имела далеко не балетную — широкие бёдра и большой зад. Приплясывая, она исполнила частушки собственного сочинения:

*Архитекторов убогих
Вам не выкосить косой!
Но талантливых немного —
Я да парень молодой!*

После застолья, когда женщины-проектировщицы ушли мыть посуду и перемывать косточки новоявленной танцовщице, а мужчины-архитекторы высыпали на крыльцо перекурить, Тютикова, оставшись наедине с Евгением, преподнесла ему третий подарок — кожаную куртку-косуху на меху (а время-то было тотального дефицита!). Приподнявшись на носочки и держась за Евгения, она поцеловала его в губы, ощутив при этом ответный поцелуй, сладость его губ и упругость мышц. Евгений был растроган. Он, живший далеко от родительского дома, воспринимал повышенное внимание старой девы как материнскую заботу и не представлял, что между ним и этой странной женщиной, гонимой в матери, могут быть иные отношения. К тому же сердце его было занято

милой однокурсницей Юленькой Веткиной — он неожиданно сблизился с девушкой при защите дипломного проекта и очень сожалел, что не смог с ней распределиться и уехать в одно место. Они переписывались.

Между отделами воцарилось затишье и перемирие, чего тоже никто не припоминал. Случился нонсенс: Тютикова вдруг понесла показать Курису свои новые разработки, чтобы посоветоваться с ним. Она зашла в его угол, отгороженный большой чертёжной доской, села рядом и обратилась к архитектору, как обращалась очень давно, когда они оба были студентами:

— Толь, а Толь, что ты скажешь на это?

Курис долго молчал, поглаживая бородку, шокированный дружеским обхождением и не веря своим глазам и ушам.

— Недурственно, Викочка, — выдавил он из себя, рассматривая эскизы, сделанные чёрным углём. И в этот момент они, Курис и Тютикова, сделались похожими на давних друзей, трогательно любящих друг друга.

Но тут взгляд Тютиковой остановился на картинке, нарисованной Курисом, которую он не успел убрать, никак не ожидая появления зловредной дамы. Это были карандашные наброски высотного здания, в которых отразились поиск форм и решений.

Тютикова замерла, не дыша несколько мгновений, тараща, как лягушка, глаза на чертёжную доску.

— Что это и где? — спросила она гулко, с шумом выдохнув воздух.

И вот здесь-то надо было бы Курису соврать, что он принёс подправить рисунок сына, исполнившего курсовую работу, или что он так успокаивает свою томящуюся душу, соскучившуюся по хорошим проектам. Но недипломатичный Курис, растаявший и размякший от нежданно тёплого обращения Тютиковой, сказал правду-матку:

— Мой школьный кореш, директор станочного завода Геннадий Михалыч... Ну, ты знаешь его, Вика. Так вот, Геннадий повстречался со мной и уговорил поработать над новым зданием заводоуправления... Давно не было такого заказа, ответственного и интересного. Вот, посмотри, что получается... Это площадь Свободы.

— Площадь Свободы, говоришь?

— Ну да, Вика. Самый центр города.

— Хороший заказ.

— Да, недурственно...

— Только заказ этот мой, Толик.

— Как твой?

— Я над ним уже начинала работать несколько лет тому назад. И идея моя тоже.

Курис побледнел, на его лбу и седеющих висках выступили капельки пота. Лево́й рукой он ухватился за клинышек бородки и что есть силы сжал его рукой. Он понял, что наговорил лишнего, но слово не воробей...

— Ты украл мои разработки, Курис, — голос Тютиковой крепчал и начинал резать уши.

— Ты ошибаешься, Вика, я никогда не крал чужого, тем более у тебя, — дрогнувшим голосом ответил Курис.

— Нет, ты украл! Наглым образом залез в шкаф с моими документами и с... у меня всё! Ты думаешь, я буду молчать? Я поставлю вопрос на Союзе! Ты украл святое — моё авторское право!

Тютикова кричала, и от силы её голоса звенели стёкла в окнах и стучали ложки в стаканах.

Сотрудники обоих отделов, повидавшие на своём веку истерики, закатываемые Тютиковой, попрятались за свои кульманы — от греха подальше. Евгений видел скандал впервые. Удивлённый всеобщим молчанием, он пытался оценить происходящее, но понимал — бессмысленно вмешиваться и успокаивать Тютикову, находящуюся в состоянии аффекта. Евгению стало жаль Куриса, подвергшегося неожиданной атаке, но и Тютикова могла отстаивать справедливость, хотя, как ему казалось, это можно было сделать и без шума. Евгений посмотрел туда, где располагалась огромная доска Куриса, и увидел, что тот поднимает её, как щит, будто готовится в обороне. Тютикова, дойдя до середины зала, где стояло много деревянных стульев, начала метать их в своего врага: правой рукой начальница брала стул за ножку, раскручивала его над головой, будто он был вовсе не добротным изделием, изготовленным на советской фабрике, а надувным шариком, и запускала в Куриса. Мебель со свистом летела в архитектора и с грохотом, как волна о скалы, разбивалась о чертёжную доску, разлетаясь на мелкие части, как брызги. Евгений подивился силе и энергии немолодой дамы.

— Виктория Альбертовна! — не выдержав, вскричал он, — Виктория Альбертовна, прошу вас, не надо...

Голос Евгения, заглушив шум битвы, как холодный душ, отрезвляюще подействовал на Тютикову. Она успокоилась, перестала кричать, поправила свои сиреневые волосы, тонкую кофточку, сбившуюся набок, и оставила в покое стулья, которые, как жалкое стадо коров перед бойней, сгучились вместе, ожидая своей участи. Тютикова, как ни в чём не бывало, сказала Евгению:

— Теперь у тебя будет интересная работа, Женечка.

В тот же день Курис передал свои эскизы Тютиковой, а Евгений спросил у него:

— Вам не обидно, Анатолий Моисеич?

— Спокойствие дороже, — ответил Курис, похлопал его по плечу и добавил: — в добрый путь, Женя. Что ты так смотришь на меня? Я договорился с директором, сказал ему, что над проектом будешь работать ты. Ему нужны свежие мысли, а ты молод.

— Но работать так нельзя, это неэтично, — обратился Евгений к Тютиковой. Та возразила:

— Здешние порядки установили до тебя, Женечка, и не стоит их ломать. А работа — твой шанс. Я бы не стала наезжать на этого старого м... если бы не твой талант, который не должен засохнуть.

Евгений вернул эскизы Курису, сказав, что если и будет делать проект, то начнёт с чистого листа, на что Курис ответил:

— Это похвально, Женя. Но только тебе придётся всё отработать...

— Каким образом, Анатолий Моисеич?

— А ты разве ещё ничего не понял?

— Что вы имеете в виду?

— Тебе придётся ответить Виктории взаимностью.

— Не понял.

— Плотью, Женя, плотью. Любовью на любовь.

— Странно...

— Может быть, но почти все парни из моего отдела начинали у Тютиковой, а потом, в один прекрасный день, перебежали ко мне. Вот так-то, Женя.

Евгению всегда казалось, что интимные отношения возможны только между ровесниками. Он вспомнил старый анекдот, в котором «изголодавшемуся любовнику предложили воспользоваться жрицей любви, являвшейся лежалым товаром, на что тот, увидев потрепанный предмет предстоящего счастья, воскликнул: «Мне столько не выпить!»»

Своих убеждений Евгений менять не собирался, а для себя решил, что работать с Тютиковой он будет, но отношения между ним и дамой дальше платонических развиваться не станут.

Не задумываясь о последствиях, он продолжал принимать ухаживания Тютиковой, обедал с ней и пил чай, вместе они посещали театры и концерты, а потом долго прогуливались по вечернему городу, обсуждая сначала спектакль, а затем архитектуру и его новый проект. Он провожал начальницу до дома, но никогда не заходил к ней, а прощался коротким сухим поцелуем в щёку и говорил: «До завтра, мой учитель». Она предлагала ему перейти на «ты», на что Евгений отвечал, что хочет сохранить чистые и высокие отношения ученика и учителя.

Его мало волновали притязания Тютиковой — он был увлечён проектом, который, как снег на голову, свалился на него и представлял большую удачу для начинающего архитектора.

Проектируемое сооружение хорошо вписывалось в перекрёсток двух главных улиц и должно было стать городской доминантой, взрывающей монотонность наскучившей всем бездарной застройки. Евгений предложил построить 16-этажное здание, почти небоскрёб, придумал много смелых деталей и новшеств, которые в любом другом случае не попали бы в проект из-за пресловутой экономии материалов и борьбы с излишествами. Помогал директор: он мало смыслил в архитектурных изысках, но ему хотелось неординарности, доказательства собственного высокого статуса — божка местного пошиба. Директор возил в московский главк дорожающие сметы, поил чиновников элитными коньяками, одаривал их подарками, купленными за казённый счет, и получал бесценные печати на документах.

По замыслу Евгения колонны первых двух этажей смещались внутрь здания на глубину двух метров, а между колоннами, в их створе, располагались стеклянные стены — иллюзия легкости парящего монстра.

Пожилая инженер-расчетчик Сусанна Богдановна, носившая украинскую фамилию Барабаш, увидев это, покрутила толстым пальцем у виска, пугая Тютикову:

— Спустись с небес на землю, Вика. Я-то всё рассчитаю, но где гарантия, что строители не напортачат, и тогда загремит под фанфары вся ваша фантазия. На старости лет я за решётку не сяду и подписывать этот шедевр, извини меня, не стану.

Выходило, что за решётку Сусанна Богдановна готова была сесть раньше, а сейчас, по случаю своего преклонного возраста, вдруг раздумала. Евгений ухмыльнулся и обратился к пожилой сметчице:

— Я тоже не хочу этого, Сусанна Богдановна, а потому возьму ответственность на себя. Дайте мне ваши расчеты, и я подпишу их сам.

Брови Барабаш взметнулись вверх, она хотела выкрикнуть: «Мальчишка! Выскочка!», но, вспомнив летающие по залу стулья и отсутствие какой-либо доски на её рабочем месте, сдержала эмоции.

В конторе опять наступило затишье. Отдел Тютикой, состоявший из мирных дамочек и Евгения, работал над проектом «свечки», как потом назовут небоскрёб горожане. Люди Куриса тоже трудились, но на подхвате у сотрудников Тютиковой: решали инженерные проблемы, проектировали насосную станцию для подкачки воды в небоскрёб, выполняли расчеты монолитных конструкций. Но залогом затишья стали отношения Тютиковой и Евгения, которые не разрушались, но и не получали своего развития. Евгению каким-то немислимим образом удавалось отражать поползновения дамы, сдерживать её эмоции и сохранять отношения на уровне платонических, непорочных — юный ученик и влюбленная в него учительница.

Евгений продолжал переписку с Юленькой Веткиной, а Тютикова даже не подозревала о романе, о планах бывших однокурсников встретиться и провести отпуск вместе. Узнала бы Тютикова о грядущих событиях, положение дел в конторе сложилось бы по-другому: во всяком случае, стульев в конторе поубавилось, мир закончился, да и судьба проекта была бы иной.

Тем временем пребывающая в неведении Тютикова преподнесла Евгению очередной подарок — зачисление в состав Союза архитекторов.

Эта процедура была непростой и требовала письменных рекомендаций от маститых зодчих, представления на комиссию творческих работ соискателя. Рекомендации дали Тютикова и Курис, причём Тютикова несколько раз собственноручно переписывала курисовские, добавляя выражения, полные похвалы, пылкости и пафоса, разбавляя их следами умиления. Проектов показали два — школы и небоскрёба, других пока не было. В Союз пришла сама Тютикова, и отвечала на вопросы грозной комиссии тоже она, хотя подразумевалось, что пояснения даст Евгений. Защита прошла успешно, Тютикова не сломала ни одного стула, а Евгений стал членом Союза и получил престижный значок, подтверждающий его членство.

Вступление отметили всей конторой за общим столом, поздравили, закусили конфетами и немного выпили красного вина. Тютикова была в ударе, она, на удивление всем, вновь пустилась в пляс и прокричала ей сочинённые частушки:

*Женя, Женечка, Женёчек,
Ты на радость всем вступил!
Ты идей больших источник,
Ну а Курис — крокодил!*

*Полюбила молодого
Я от всей своей души.
Целоваться он не хочет,
Точит он карандаши.*

Стихотворные выпады в сторону Куриса не шокировали и не обидели, а скорее развеселили народ, наслаждающийся хрупким перемирием.

На второй день, последовавший после этого празднования, Евгений впервые не вышел на работу, что взволновало сослуживцев и особенно Тютикову. Мобильных телефонов в то время ещё не было, о Евгении узнали от соседей по общежитию, которые объяснили, что молодого человека скрутил радикулит и он не может самостоятельно встать с кровати. Тютикова, услышав о болезни Евгения, молча засобиралась проведать его.

Двери в общежитие-квартиру открыла старушка, которая провела Тютикову к мужской комнате. Евгений, одетый в халат, держась за лыжные палки, стоял у стола и рассматривал разложенные на нём эскизы. На его лице была лёгкая однодневная небридность.

Тютикова при виде такого Евгения впала в умиление. Она всплеснула руками, чуть не выронив сумку с фруктами, и сказала:

— И здесь тоже работаешь, при твоём-то состоянии?

— Покой нам только снится, Виктория Альбертовна.

— Как же это ты, Женечка?

— Вот, угораздило... Старею, наверное, Виктория Альбертовна, — отшучивался Евгений.

— Ничего, я тебя вылечу мигом, дружок. — И Тютикова зашуршала газетами, разворачивая фрукты, купленные на рынке, бутерброды, сделанные дома, и бутылку коньяка, подаренную заказчиком и сбережённую для особого случая.

— Мне неудобно, Виктория Альбертовна, хотя и очень приятно...

— Неудобно спать на потолке.

Евгений продолжал стоять — сидеть было сложнее, а она, радуясь встрече с Евгением, а ещё больше возможности побыть с ним наедине, продолжала хлопотать. Бросила оценивающий взгляд на эскизы, поняла, что на них изображены солнцезащитные конструкции, щёлкнула языком от удовольствия, сложила чертежи стопочкой, убрала их на подоконник, постелила две белоснежные тканевые салфетки, принесённые с собой, раздобыла стаканы, протёрла их полотенцем до хрустального блеска, раскупорила бутылку, плеснула в стаканы тёмную жидкость кофейного цвета. Евгений спросил её:

— Ничего, если я стоя? На колени я встану, как только поправлюсь. Обещаю.

— Стоя тоже неплохо... Давай на брудершафт, Женечка? За успехи и выздоровление!

Евгений не ждал такого поворота. Дистанция «учитель — ученик», которую он с достоинством держал столько времени, вызывая восхищение и уважение сослуживцев, теперь рушилась в один момент, как картонный домик.

Как поступить? Переплести руки с горьким напитком в стаканах, выпить и расцеловаться?.. Удастся ли тогда отделаться коротким сухим поцелуем, как это случилось после их совместного посещения театров или концертов? Но здесь не улица, где можно отступить, сделав несколько шагов назад, и преданно помахать рукой, оставляя надежду на другое свидание.

Покориться ей? Но тут моментально в памяти Евгения всплыл анекдот «Мне столько не выпить» и возникло чувство отвращения, отталкивающее от возжелавшей его дамы.

Он впал в смятение, мозг лихорадочно искал выход, а руки уже начинали переплетаться, втягивая в бездну. И вдруг — эврика!.. На глаза Евгению попала бечёвочка, тянущаяся от двери, закреплённая на потолке и свисающая вниз, — часть остроумного механизма, придуманного его соседом по комнате Вадимом для вызова любимой подружки. И Евгений ухватился за спасительную верёвочку, как утопающий за соломинку. Где-то за стенкой зазвенел колокольчик.

— Аккомпанемент нашему тосту, — сказала Тютикова, заглядывая в глаза Евгению, теснее переплетая руки.

«Погребальный звон», — подумал Евгений.

И в этот момент в комнату постучали, дверь приоткрылась, и в возникшую щель пролезла седая старушечья голова.

— Всё ли в порядке? — спросила она скрипучим голосом, обводя взглядом комнату и подёргивая носом, чтобы определить происхождение запаха.

— Лечусь лекарством от радикулита, Павла Ивановна, — ответил Евгений, освобождаясь от переплетений рук и показывая стакан, на четверть заполненный тёмно-коричневой жидкостью.

— А это твой лечащий врач? — спросила голова, глубже протискиваясь в дверь.

— Это больше, чем врач, Павла Ивановна, это почти консилиум, спасающий меня. Заходите, я угощу вас фруктами и познакомлю с интересным человеком, — сказал Евгений.

Он понял, что выиграл.

Старушка прошла в комнату, поправляя по дороге цветастый платок, накинутый на плечи, и пластмассовый гребешок, воткнутый в белоснежный затылок.

— Виктория, — сквозь зубы процедила Тютикова, пряча свой стакан за спину и незаметно выплёскивая его содержимое на пол.

— Мой наставник и учитель, Виктория Альбертовна Тютикова. Прошу любить и жаловать, — с почтением в голосе уточнил Евгений.

— О как! А я Павла Ивановна из рода Пирожковых, здешняя пенсионерка и старожилка, — заявила соседка, истосковавшаяся по общению, как по свежему воздуху.

Она подошла к столу и плюхнулась широким задом на единственный стул.

— А как вы в общежитии оказались? В гостях у кого? — спросила Тютикова, плохо скрывая своё недовольство.

— Почему в гостях? Я у себя дома. Квартира эта была коммунальная, жильцов порасселили, а я сказала, что никуда не поеду, жила здесь и буду жить.

— Но, знаете ли... В общежитии жить в ваши годы...

— Какие мои годы? Я довольная. С молодёжью мне хорошо. Вроде как и сама молодая.

Евгений продолжал стоять, опираясь на палку, Тютикова в расстроенных чувствах опустилась на кровать, а старушка, вооружившись ножом и очищая крупное рыночное яблоко, стала говорить. Рассказ выходил длинным, что вполне устраивало Евгения: о добросовестном служении на советской почте, о грамотах, полученных за безупречный труд, о ношении неподъёмной сумки почтальона, о заработанном ею радикулите и успешном его лечении лекарственным средством под названием «ибупрофен»... Пирожкова вдруг хлопнула себя по лбу.

— А ведь он, этот самый ибупрофен, где-то у меня есть. Ещё с того раза, надо пойти и принести.

— Спасибо, Павла Ивановна, — поблагодарил Евгений, — только приносить ничего не надо. Вы лучше ешьте и рассказывайте.

Тютикова засуетилась, засобиравшись и вскоре ушла, метая молнии, но сдерживая гром, предоставив возможность Павле Ивановне Пирожковой вылечить Евгения ибупрофеном столетней давности.

Небоскрёб начали строить по проекту Евгения, по его чертежам, по расчётам и по сметам, утверждённым сговорчивыми чиновниками главка. Евгению предложили взять отпуск, отдохнуть и залечить свой радикулит.

— Все болезни происходят от напряжения нервов, а напряжение нервов — от волнений на работе, — категорично заявила всезнающая инженер-расчетчик Сусанна Богдановна Барабаш.

Отпуск Евгений провёл с бывшей однокурсницей Юленькой Веткиной, побывав с ней у её родителей. Вернулся он ровно через 24 дня с тоненьким обручальным колечком на безымянном пальце правой руки, загоревшим и похорошевшим, ставшим мужчиной.

Все поняли, что любви Тютиковой пришёл конец. Неразделённое чувство переродилось в ненависть, в воздухе конторы запахло бурей. Сотрудники ждали её начала, как ожидают надвигающееся цунами жители островных государств после объявления о подводном землетрясении. В первый же день Тютикова холодно заявила Евгению, что в строящейся высотке почти полностью отсутствует сборный железобетон, что здание это требовалось запроектировать из типовых конструкций серии ИИ-04, но из-за прихоти Евгения небоскрёб возводят из монолита, и потому завод железобетона остался без заказов, а рабочие не получают зарплату. И это происходит в социалистическом государстве, где действует плановая экономика и каждому гарантирован труд! Проблемой озабочился горком партии, и теперь Евгению уж точно несдобровать. Евгений ответил, что не является ни комсомольцем, ни коммунистом, не нуждается в лекциях по политэкономии, а на озабоченность горкома ему глубоко наплевать, и кроме того, она, Тютикова, была ку-

ратором его проекта и могла давно узреть недостатки. А Тютикова возразила, что ничего не знает, потому что чертежи подписывал он, и защищать его она не намерена. На это Евгений сказал, что работал честно, в защите не нуждается и бояться ему нечего. А дальше Тютикова стала орать, да так, что уши у всех сослуживцев, находящихся в зале, заложило. Кричала она скороговоркой и разобрать слова было непросто. Все понимали, что это выплеск эмоций, горечь одиночества, утраченная надежда, и, может статься, последняя:

— Выскочка смазливый! Возомнил из себя гения. Гауди недоношенный! Желярди недоделанный! Шехтель недоразвитый! Щусев невылупившийся! Гнать таких авторов паршивой метлой! Тебе бы пахать и пахать в подмастерьях да поучиться уму-разуму... Сосунок из песочницы...

И дальше то же самое, но уже вперемешку с нецензурной бранью.

Евгений попросил Куриса набрать номер телефона директора завода. Прикрыв ладонью, чтобы не было слышно истерики, Евгений спросил его, как идёт стройка, нет ли проблем.

Директор обрадовался Евгению, сказал, что на объекте полный порядок, «все неувязки увязаны, а все заморочки выморочены». Затем он попросил Евгения приехать, чтобы согласовать размещение на здании и содержание таблички, на которой будет имя автора проекта.

Через пару дней известие об этом докатилось до Тютиковой, ввергнув её в новый приступ бешенства. Истерика выплеснулась за пределы конторы и докатилась до комиссии по этике при Союзе архитекторов, куда Тютикова отнесла написанное ею заявление, потребовав разобраться и восстановить попорченную справедливость.

На заседание, где собрались почтенные и не очень почтенные архитекторы, пригласили Тютикову и Евгения, а свидетелем позвали Куриса. Верховодил собранием пожилой именитый архитектор с седеющими густыми волосами и бородой, делавшими его похожим на Карла Маркса. Председатель славился театральной дикцией, умел потрясать красноречием, убеждать и улаживать конфликты, был уважаем и имел награды, правда, никто не помнил его проектов.

Троих приглашённых посадили вместе в конце длинного стола, да так плотно, что несведущий мог бы принять их за трёх неразлучных друзей. Председатель поднялся и, заложив левую руку за борт пиджака, прочитал гневное заявление Тютиковой. Потом он разъяснил, обращаясь к Тютиковой, Евгению и Курису, что на комиссии по этике, исходя из её сути, не употребляют нецензурную брань и не оскорбляют её членов. Затем дали слово Курису, который долго молчал, поглаживая бородку, и только тихо откашливался, будто готовился к исполнению оперной арии. Он заговорил, когда председатель, похожий на Маркса, сказал: «Ну что же вы, милейший...»

Курис пропел дифирамбы Тютиковой, назвал её учителем и наставником, воспитавшей немало плеяд и когорт, а потом замолчал и вновь долго откашливался, пока не услышал:

— Ближе к делу, милейший...

Тогда Курис прошёлся по залу и, предусмотрительно зайдя за спину председательствующего, сказал, что на табличке следует указать три имени, записав туда Куриса, Тютикову и Евгения, поскольку все трое в разное время внесли по своей важной лепте в проект небоскрёба. Первой не замедлила отреагировать Тютикова: вскочив с места, она схватила стул, за которым недавно сидел Курис, раскрутила его над головой и с криком «Иуда» метнула в ненавистного Куриса. Стул в полёте задел шевелюру окаменевшего от страха Маркса, подняв дыбом его роскошные волосы, и с грохотом врезался в рекламный щит, обнажив за ним облезлую стену Союза.

— Ирод! Навуходоносор! Веспасиан! — выкрикивала Тютикова имена царей-тиранов Древнего Востока, обзывая ими, как все поняли, ненавистного ей Куриса.

Высказываться никто больше не пожелал: боялись гнева и его последствий — летающих стульев. Заключительное слово взял председательствующий, предварительно заперев в ящике стола чернильный прибор из зелёного мрамора и попросив удалить из помещения незанятые предметы мебели.

Он произнёс длинную речь об этике и эстетике и предложил компромиссное решение, за которое члены комиссии тотчас же проголосовали единогласно: повесить две таблички в разных углах здания, одну, золотую, в честь мудрой и опытной Тютиковой, а вторую, серебряную, в честь подающего надежды молодого и перспективного зодчего Евгения. Куриса он не упоминал, чем утихомирил даму и сохранил в целости стулья и головы присутствующих архитекторов.

Мудрое решение Маркса вскоре было исполнено: на двух колоннах возведённого заводууправления разместили по табличке. На первой было высечено: «Здание построено по проекту архитектора Евгения Смирнова», а на второй написали: «Здание построено под научным руководством архитектора Виктории Тютиковой». О новой высотке написали газеты и рассказало телевидение, она украсила город и стала его достопримечательностью, попав на цветные открытки, продающиеся в киосках Союзпечати. А Евгений вскоре уехал, получив открепление от распределения, — помог директор завода, имевший связи в столичных главках.

* * *

Евгений стоял посреди площади, смотрел, задрал голову и изучая уродца, и не верил своим глазам: небоскрёб являл собой жалкое зрелище. В голову Евгения пришло сравнение изуродованного здания со здоровым, сильным, крепким и красивым человеком, ставшим по воле обстоятельств инвалидом, лишившимся рук или ног и недвижно сидящим в инвалидной коляске.

— Где же вы, дражайшая Виктория Альбертовна? Где ваша принципиальность и непримиримость? Где же вы, господин Маркс, и ваша справедливая комиссия по этике и эстетике? Где вы, господин директор, и ваши высокие столичные покровители? Где краеведы и простые граждане города? Ау? — вскричал Евгений.

Спящий город отвечал приглушённым эхом да тихим шорохом умирающей листвы.

Двери Союза, куда Евгений добрался в ранний утренний час, не очень надеясь кого-либо застать, открыла заспанная сухая старушка Елена Митрофановна, учёный секретарь и ночной сторож по совместительству. Евгения она не узнала, хотя готовила его документы для вступления в Союз, но когда он представился, дама-секретарь, с любопытством рассматривая его белый костюм, соврала, что очень хорошо помнит его:

— Да ты как был денди, так им и остался. И нисколько не изменился.

Елена Митрофановна усадила Евгения на старый потёртый бугристый диван, сварила ему кофе и рассказала о его бывших коллегах и делах Союза.

Оказалось, что Курис покинул контору, обессилев от бесконечных тютиковских выходов, и занялся делами общественными и преподавательскими. Он возглавляет комиссию по этике и, проявляя выдержку, примиряет амбициозных зодчих. На заседаниях он чаще молчит, что воспринимается присутствующими как проявление мудрости старого архитектора. Его предшественник Маркс, славившийся дикцией и красноречием, полу-

чил удар стулом по голове, запущенным Тютиковой во время очередной разборки, после чего лишился речи и сделался инвалидом. Саму Тютикову признали невменяемой, подвергли принудительному лечению, что, по мнению Елены Митрофановны, несравненно лучше, чем отбывание тюремного срока за решёткой за нанесение телесных повреждений. Тютикова тоже ушла из конторы, а в промежутках между лечением она строит свой собственный музей архитектурных шедевров, докучая навязчивой идеей местной власти и бизнесменам.

Стулья теперь никто не мечет, что вызывает у членов Союза некую скуку и ностальгию, а у молодёжи, не испытавшей впечатлений от полёта мебели, нездоровое любопытство.

Елена Митрофановна провела Евгения в зал, где некогда заседал Маркс. В память о пролетающих здесь предметах мебели и пострадавших от них людях творческая молодёжь увековечила стул, будто он, запущенный Тютиковой, вошёл в стену, как в масло, слегка выступая на поверхности штукатурки своими отдельными частями.

Евгений расспросил о своём небоскрёбе и узнал, что народ прозвал его «свечкой». Фактом этим, по словам дамы-секретаря, следует гордиться, потому что названия домам народ даёт редко и только самым полюбившимся и самым неординарным. Завод, строивший «свечку», обанкротился и развалился. Директора осудили за мошенничество и посадили, а здание-«свечку» купил олигарх, который его и «покоцал» — снял и продал ажурный алюминий, застроил пустоты, завесил рекламой и сдал торгашам под конторы.

— А где авторское право? — вскричал возмущённый Евгений, потрясая кулаками.

— Только на бумаге.

— Что же получается? Невежда купит полотно Рембрандта и будет его кромсать и раскрашивать на свой лад?

— Ну, ты хватил. Рембрандт... Рембрандта, быть может, и защитят, а тут случай иной. Масштабы не те, и государство другое, да и автор молчит в тряпочку.

— Автор жив, здоров и молчать не будет! Это я обещаю вам!

— Дай-то бог. Жаль только, что Тютикова перестала бросаться, а то бы взять её на подмогу, как тяжёлую артиллерию, да забросать всех олигархов стульями.

— На всех стульев не хватит.

Евгений позвонил коллегам, пригласившим его участвовать в симпозиуме, подтвердил, что приедет, только вот тема доклада будет другой: «Об авторском праве в архитектуре». Потом он узнал телефон Куриса и долго разговаривал с ним, вспоминая ушедшее время, контору, шкафы с журналами, студенческое общежитие и людей, создававших советскую архитектуру, ушедших и здравствующих поныне. В конце разговора он пригласил Куриса поехать с ним выступить на симпозиуме и получил согласие старого зодчего.

Елена Митрофановна была рядом и слышала разговор Евгения. Она подала ему шляпу, предложила присесть на дорогу и напутствовала:

— Желаю удачи. Жаль одного — не доживу до лучших времён.

— Как знать, как знать... — Евгений попрощался с дамой и ушёл в проснувшийся город.

В тот же день он бросил монетку в чашу старого городского фонтана, заполненного дождевой водой, и уехал, прихватив с собой поседевшего, но полного сил и надежд архитектора Куриса.